

Александръ Сергѣевичъ
Лаппо-Данилевскій.

(1863—1919).

Некрологъ.

(Читанъ академикомъ М. А. Дьяконовымъ въ засѣданіи Общаго Собранія 5 апрѣля 1919 г.).

Еще новая жертва нависшаго надъ истерзанной Россіей тяжкаго лихолѣтя: 7 февраля, въ 7½ ч. утра, скончался въ хирургическомъ госпиталѣ Александръ Сергѣевичъ Лаппо-Данилевскій. Великую утрату, одну изъ самыхъ тягостныхъ понесла Академія Наукъ. Съ конца мая мѣсяца 1918 г. это уже седьмая жертва, вырванная смертью изъ среды дѣйствительныхъ членовъ Академіи. Одни изъ нихъ ушли отъ насъ, завершивъ сполна свой жизненный трудъ, съ честью выполнивъ свой долгъ передъ наукой и культурой, честно отслуживъ свою службу Академіи (В. В. Радловъ, А. С. Фаминцынъ, М. А. Рыкачевъ и В. В. Заленскій); другіе захвачены смертью случайно на полупути, изъ-за рабочаго стола, за которымъ они трудились, не покладая рукъ, суля наукѣ и культурѣ новые и новые вклады (Я. И. Смирновъ, А. М. Лянуновъ и, наконецъ, А. С. Лаппо-Данилевскій). Среди послѣднихъ Александръ Сергѣевичъ естественно выдвигается на первый планъ. Онъ умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ ему исполнилось 56 лѣтъ, а по виду, никто бы ему не далъ болѣе 45—50 лѣтъ: такъ онъ былъ свѣжъ, бодръ, энергиченъ. Въ полномъ расцвѣтѣ силъ, дарованій, талантовъ, поразительной, рѣдко выдаваемой эрудиціи онъ неожиданно для всѣхъ сошелъ въ могилу.

Онъ живой, какъ вчера, стоитъ передъ всѣми нами; но запечатлѣть его, обрисовать передъ другими, кто стоялъ дальше отъ него, это дѣло свыше моихъ слабыхъ силъ. Здѣсь я попытаюсь лишь набросать, кого лишилась Академія, какая незамѣнимая пустота и на долгое время осталось съ безвременной кончиной Александра Сергѣевича.

Еще ^{до}біографія не богата внѣшними фактами. Покойный самъ набросалъ ея бѣглый очеркъ въ недавно вышедшихъ матеріалахъ для біографическаго

словаря дѣйствительныхъ членовъ Академіи Наукъ. Его вся жизнь была единымъ цѣльнымъ подвигомъ изученія и учительства. Благопріятныя матеріальныя условія дворянской семьи дали возможность А. С. еще до поступления въ гимназію прожить полтора года за границей, что помогло мальчику изучить иностранные языки, которыми покойный владѣлъ въ совершенствѣ. Работа серьезной пытливой мысли началась еще на школьной скамьѣ въ гимназіи, когда мальчикъ знакомится съ философскими системами Канта и Милля и по трудамъ Тэйлора, Спенсера и Грота увлекается изученіемъ первобытной культуры и античнаго міра. Эти интересы привели его на Историко-Филологическій Факультетъ С.-Петербургскаго Университета, который онъ окончилъ въ 1886 г. и былъ оставленъ при Университетѣ.

Еще студентомъ онъ напечаталъ въ ЖМНПр. свои самостоятельныя изслѣдованія («Изъ старинныхъ сношеній Россіи съ Западной Европой», 1884, № 5; «Иноземцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Ѳедоровича», 1885, № 9, и «Русская промышленная политика XVIII в.», 1886, № 5), а большой его студенческий трудъ «Скиѣскія древности» напечатанъ Археологическимъ Обществомъ въ Зап. Отд. русск. и славянской Арх., т. IV, 1887 года.

Въ 1890 г. уже вышла въ свѣтъ обширная и цѣнная его диссертация «Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ со времени смуты и до эпохи преобразованій», основанная въ значительной части на рукописныхъ источникахъ и до сихъ поръ остающаяся необходимымъ настольнымъ пособіемъ для каждаго занимающагося исторіею тягла и тяглаго населенія. Вспоминаю по этому поводу небезынтересную бесѣду съ В. Г. Васильевскимъ. Въ 1891 г. при личномъ свиданіи съ Васильевскимъ я получилъ предложеніе написать отзывъ объ изслѣдованіи А. С., представленномъ на Уваровскую премію. Я уклонился отъ этой чести, указавъ на болѣе компетентнаго рецензента—П. Н. Милюкова, трудъ котораго о Государственномъ хозяйствѣ въ первой четверти XVIII в. съ 1890 г. началъ появляться на стр. ЖМНПр. При этомъ зашла рѣчь и объ авторѣ подлежавшаго рецензіи труда. В. Г. со свойственной ему добродушной улыбкой сказалъ: «онъ прирожденный академикъ и, конечно, имъ будетъ». Это были пророческія слова, осуществленію которыхъ содѣйствовалъ прежде всего В. Г. Послѣ защиты диссертации передъ А. С. открылся путь учительства. Съ 1890 г. онъ сдѣлался приватъ-доцентомъ Университета, а въ 1891 г. избранъ экстраординарнымъ профессоромъ Историко-Филологическаго Института. Но послѣдній онъ оставилъ съ осени 1900 г. (Прот. § 160), послѣ избранія его въ 1899 г. адъюнктомъ Академіи Наукъ, а приватъ-доцентомъ

Университета оставался въ теченіе всей своей жизни: только въ октябрѣ 1918 г. онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ.

Университетъ—это поле учительства въ теченіе 29 лѣтъ (1890—1919); Академія Наукъ—это главное поприще изслѣдовательской дѣятельности въ теченіе почти 20 лѣтъ. Онъ избранъ адъюнктомъ Академіи 4 декабря 1899 г. 29 сентября 1899 г. въ засѣданіи ИФ Отдѣленія читана записка объ ученыхъ трудахъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, подписанная К. Веселовскимъ, В. Латышевымъ, Ив. Янжуломъ и Н. Дубровинымъ.

Въ концѣ записки сказано: «къ этому мы должны присовокупить, что назабвенный нашъ товарищъ В. Г. Васильевскій весною нынѣшняго года собирався предложить Лаппо-Данилевскаго на мѣсто, сдѣлавшееся вакантнымъ за смертью А. А. Куника (18 января 1899), и только болѣзнь, а потомъ неожиданная кончина (13 мая 1899) были причиною, что онъ не исполнилъ этого намѣренія. Передъ отъѣздомъ своимъ за границу онъ въ этихъ видахъ составилъ уже объ ученыхъ трудахъ Лаппо-Данилевскаго подробную записку, которая и легла въ основу настоящаго нашего представленія».

При баллотировкѣ въ засѣданіи ОС 4 декабря А. С. получилъ 25 изб. противъ 4 неизб. (§ 197); въ засѣданіи ИФ Отдѣленія 11-ю голосами избранъ единогласно (§ 163).

Итакъ, онъ избранъ адъюнктомъ 4 декабря 1899 г.; объ Академіи Наукъ онъ пересталъ думать 7 февраля 1919 г. Въ указанныхъ рамкахъ между Университетомъ и Академіею и протекла вся жизнь А. С. Но главнымъ центромъ всей его дѣятельности была, конечно, Академія Наукъ. Перечислить теперь все, что сдѣлалъ покойный для Академіи, понадобилось бы самое меньшее нѣсколько часовъ времени. Покойный самъ перечислилъ свои труды по 1914 годъ подъ 101 номеромъ. Въ этотъ перечень вошли и нѣкоторые изъ его докладовъ Академіи, но лишь очень немногіе; громадное большинство изъ нихъ, въ томъ числѣ очень цѣнные въ научномъ смыслѣ, туда не попали. Ихъ необходимо всѣ собрать и переименовать въ дополненіе къ списку его ученыхъ трудовъ. Какъ онъ готовился къ этимъ докладамъ, можно показать хотя бы на одномъ примѣрѣ. Только что избранный адъюнктомъ Академіи онъ въ засѣданіи 24 мая напомнилъ Отдѣленію, что въ засѣданіи 23 ноября 1889 г. (§196) постановлено: «Просить управляющаго Московскимъ архивомъ Мин. Юст. Д. Я. Самоквасова окончить печатаніе III тома Актовъ Московскаго Государства на прежнемъ основаніи, а затѣмъ принять мѣры къ упорядоченію этого изданія». Въ настоящее время, гласилъ докладъ, III томъ Актовъ заканчивается печатаніемъ, почему было бы своевременнымъ поручить кому-либо изъ членовъ Отдѣленія выработать планъ изданія

«Архивныхъ документовъ XVI—XVIII вв.». Согласно этому предложенію Отдѣленіе поручило А. С. составить таковой планъ и представить на разсмотрѣніе Отдѣленія.

Тогда онъ рѣшилъ использовать свою заграничную командировку съ этою цѣлью и въ томъ же засѣданіи испросилъ рекомендацію въ рядъ ученыхъ историческихъ учреждений для ознакомленія съ ихъ издательскою дѣятельностью историческихъ документовъ въ Германіи и Австріи (такъ же § 157). Въ засѣданіи 27 сентября 1900 г. онъ представилъ Отдѣленію, что имѣлъ возможность, несмотря на лѣтнее глухое время, ознакомиться съ устройствомъ прусскаго тайнаго государственнаго архива и методомъ веденія въ немъ указателя рукописныхъ актовъ до 1650 г., а также съ правилами и организаціей ученыхъ работъ въ Central-Direction der Monumenta Germaniae Historica, въ Исторической Комиссіи при Мюнхенской Академіи Наукъ, Итальянскомъ Историческомъ Институтѣ при Accademia dei Lincei и въ Австрійскомъ Институтѣ для историческихъ разысканій при Вѣнскомъ Университетѣ. Сверхъ того, лѣтомъ онъ временно занимался въ Москвѣ просмотромъ нѣкоторыхъ дѣлъ Разряднаго Приказа для выясненія приемовъ изданія «Актовъ Московскаго Государства» (§ 205). Главнѣйшіе результаты своихъ наблюденій онъ и изложилъ въ «Планѣ изданій архивныхъ документовъ XVI—XVIII вв.», напечатанномъ въ приложеніи къ протоколу 25 октября 1900 г. (§ 234). Изъ него явствуетъ, что А. С. не только выяснилъ различные типы изданій документовъ не менѣе, чѣмъ 12-ю спеціально историческими обществами въ Германіи и Австріи, но вошелъ въ личныя сношенія съ главноуправляющимъ прусскими государственными архивами Р. Козеромъ, его помощникомъ по тайному государственному архиву Фридендеромъ, съ предсѣдательствующимъ въ Central-Direction der Monumenta Germaniae Historica Э. Дюммлеромъ и съ директоромъ Австрійскаго Историческаго Института Э. Мюльбахеромъ, которые ознакомили А. С. съ самымъ ходомъ работъ изданія актовъ и раздѣленіемъ матеріаловъ и труда въ издательской дѣятельности. Здѣсь онъ воочію убѣдился, какъ строго научно поставлено дѣло тамъ, и какъ случайно и бѣдно организовано это дѣло у насъ. Но особенно важное значеніе имѣло для молодого ученаго наглядное подтвержденіе той научной оцѣнки, которая твердо установилась на Западѣ за такъ называемыми частными актами, которые систематически издавались и описывались многими Историческими Комиссіями и обществами. Подъ этими вліяніями и сложился планъ изданія Грамотъ Коллегіи Экономіи, какъ обширнаго архивнаго фонда, богатаго именно частными актами. Въ своемъ докладѣ 25 октября 1900 г. А. С. и выступилъ съ планомъ изданія документовъ этого фонда,

въ которомъ числилось свыше 15 тысячъ №№. Рядомъ съ этимъ ему нетрудно было показать всю случайность предпринятаго Академією Наукъ изданія «Актовъ Московскаго Государства». По этому докладу состоялось постановленіе III Отдѣленія (засѣданіе 8 ноября 1900 г. § 250): «Съ окончаніемъ печатанія III тома Актовъ Московскаго Государства пріостановить временно дальнѣйшее ихъ печатаніе, а взамѣнъ того приступить къ печатанію Грамотъ Коллегіи Экономіи. Съ этою цѣлью просить адъюнкта А. С. Лаппо-Данилевскаго представить планъ и программу изданія Грамотъ и принять на себя окончательную ихъ редакцію». Такъ возникъ одинъ изъ главнѣйшихъ научныхъ трудовъ покойнаго послѣднихъ 18 лѣтъ его жизни. Это былъ трудъ не только выработки программы и подготовки документовъ къ изданію; это была научная проблема выработки основныхъ правилъ изданія историческихъ актовъ вообще и изученія различныхъ типовъ и формуляровъ частныхъ актовъ въ частности. Въ тѣсной связи съ этимъ научно-ислѣдовательскимъ предпріятіемъ возникла особая задача и для учительства: выработать правила научнаго изданія историческихъ документовъ и подготовить кадръ работниковъ въ этой области, чего у насъ раньше не существовало ни въ одномъ Университетѣ. Такъ зародился кружокъ слушателей для составленія каталога частныхъ актовъ и выработки ихъ формуляровъ, а также терминологическаго словаря къ этимъ актамъ; такъ составлялись постепенно обстоятельныя правила подготовки къ изданію архивныхъ фондовъ и самаго ихъ изданія. Восемнадцать лѣтъ упорнаго труда привели эти обширныя работы къ совершенно очевиднымъ результатамъ: почти законченъ печатаніемъ первый томъ «Сборника Грамотъ Коллегіи Экономіи», отпечатаны 44 листа, и еще на смертномъ одрѣ покойный подписывалъ къ печати послѣдній набранный при его жизни 44-й листъ и готовилъ матеріалъ для предисловія къ этому тому. Правила изданія документовъ уже имѣлись въ наборѣ, но по указаніямъ покойнаго подлежали еще нѣкоторымъ дополненіямъ; каталогъ частныхъ актовъ и терминологическій словарь почти совсѣмъ закончены, и покойный уже возбуждалъ въ Отдѣленіи Историческихъ Наукъ и Филологіи вопросъ о предоставленіи ему возможности начать печатаніе этихъ работъ. Но жестокая судьба не дала А. С. самому выпустить въ свѣтъ своего первенца, первый томъ сборника появится, надѣюсь, въ непродолжительномъ времени, съ разрѣшенія Конференціи, въ каковомъ не сомнѣваюсь, лишь съ портретомъ перваго редактора въ назиданіе его научнымъ преемникамъ.

Вторымъ важнѣйшимъ ученымъ предпріятіемъ покойнаго является его обширный трудъ по изученію культурныхъ вліяній Запада на развитіе рус-

скаго общественнаго самосознанія въ XVIII в. Только что вступивъ въ составъ членовъ Академіи, онъ въ засѣданіи 1 марта 1900 г. (§ 55) довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, «что въ настоящее время почти закончилъ первую часть труда о научныхъ основахъ русскаго правосознанія въ XVIII в., посвященную изученію того вліянія, какое такъ называемое «естественное право» оказывало на развитіе русскаго правовѣдѣнія и политики того времени». Приступая къ окончательной обработкѣ второй части названнаго труда, уже въ извѣстной мѣрѣ подготовленной, онъ просилъ исходатайствовать ему возможность ознакомиться въ Государственномъ Архивѣ съ рукописью «Учрежденій о Губерніяхъ», писанною собственноручно Екатериною II. Итакъ, уже въ началѣ 1900 г. не только были намѣчены двѣ части этого труда, но уже предвидѣлся и ихъ конецъ. Всѣмъ русскимъ историкамъ хорошо извѣстно, что А. С. съ 90-хъ годовъ, послѣ своей первой ученой работы по исторіи XVII в., направилъ свои изысканія преимущественно въ XVIII в. и напечаталъ рядъ весьма цѣнныхъ специальныхъ работъ, начиная съ изслѣдованія объ открытомъ впервые имъ «Собраніи и Сводѣ Законовъ 1775—1783 гг.» (1897) и кончая его юбилейною рѣчью «Петръ Великій, основатель Академіи Наукъ» (1913) и докладомъ на лондонскомъ международномъ историческомъ конгрессѣ «Идея государства и главнѣйшіе моменты ея развитія со времени смуты и до эпохи преобразованій» (1914). Общая работа о развитіи политической идеологіи въ XVIII в. должна была объединить отдѣльныя изслѣдованія, но одновременно служила и основой для частичныхъ темъ. Однако, общей работѣ такъ и не суждено было выйти въ свѣтъ при жизни автора, онъ даже не успѣлъ приступить, къ ея печатанію, хотя неоднократно выражалъ настойчивое желаніе это сдѣлать. Крайняя щепетильность покойнаго въ отдѣлкѣ даже мелкихъ подробностей въ своихъ трудахъ, рядомъ съ новыми трудами и новыми изданіями памятниковъ, отсрочивала начало печатанія. А затѣмъ, вынужденная и крайне огорчавшая покойнаго отсылка многихъ его рукописей въ Саратовъ, вмѣстѣ съ академическими рукописями, окончательно затормозила дѣло. Нѣкоторыя изъ отправленныхъ рукописей. А. С. удалось получить обратно и, повидимому, въ томъ числѣ часть труда, если не весь, по исторіи идей въ XVIII в. Пока это не удалось еще выяснитъ, такъ какъ разборъ и описаніе рукописей покойнаго еще не начаты.

Замедленіе въ выпускѣ въ свѣтъ упомянутаго большаго труда въ значительной мѣрѣ обуславливалось многими другими текущими работами покойнаго. Между ними нельзя не упомянуть третьяго обширнаго и весьма цѣннаго труда, возникшаго изъ специальныхъ курсовъ А. С. въ Университетѣ гдѣ съ 1906 г. онъ началъ читать общій курсъ по методологіи исторіи; въ 1910 г.

вышелъ первый выпускъ методологіи, въ 1913 г. — второй. Это было студенческое изданіе, которое быстро разошлось между слушателями и не поступило въ общую продажу. Насущная въ немъ потребность побудила автора приступить ко 2-му изданію, которое было значительно дополнено и исправлено. Но вслѣдствіе общей разрухи студенческое изданіе не осуществилось, и осенью 1917 г. А. С. перенесъ печатаніе этого переработаннаго изданія на страницы ЖМНПр. Тамъ появилась лишь 1-я статья, такъ какъ журналъ этотъ прекратилъ свое существованіе. Тогда Отдѣленіе Историческихъ Наукъ и Филологіи постановило печатать этотъ трудъ въ «Извѣстіяхъ»; но и тамъ печатаніе далеко не закончилось; авторъ признавался, что онъ самъ повиненъ въ замедленіи изданія, такъ какъ необходимыя справки и дополненія вызывали все новыя измѣненія текста. Уже на смертномъ одрѣ онъ просилъ достать ему нѣкоторые томы сочиненій Фихте для разныхъ справокъ при подготовкѣ текста. Такъ далеко не доведенъ до конца и выпускъ въ свѣтъ этого научнаго изслѣдованія, обнимающаго изложеніе теоріи историческаго знанія и методовъ историческаго изученія въ той ихъ части, которая касается ученія объ источникахъ, объ ихъ толкованіи и критикѣ. Намѣчавшаяся 3-я часть методологіи такъ и не вышла въ свѣтъ при жизни автора.

По поводу именно этого труда возникаетъ естественный вопросъ: какіе же плоды приносила и принесла 28 лѣтняя преподавательская дѣятельность А. С.? Курсъ методологіи былъ однимъ изъ многихъ его специальныхъ курсовъ въ Университетѣ, можетъ быть, наиболѣе съ его точки зрѣнія важнымъ и наиболѣе обработаннымъ, если именно этотъ курсъ онъ признавалъ необходимымъ издать въ первую очередь. Были ли у А. С. только ученики, или же около него создавалась школа? Научный отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ исторіографія слѣдующаго поколѣнія историковъ. Надъ свѣжей могиллой оцѣнка научной и преподавательской дѣятельности почившаго явится неизбежно субъективной. По отношенію къ А. С. вопросъ осложняется еще тѣмъ, что онъ сошелъ въ могилу въ самый расцвѣтъ своей дѣятельности. Погосинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Ключевскій сошли со сцены на закатѣ своихъ дней, Лаппо-Данилевскій въ самый горячій моментъ своего творчества. Когда мы говоримъ о школахъ названныхъ историковъ, то для каждаго изъ нихъ понятіе школы будетъ не разнозначуще. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что А. С. создалъ школу, но понимаю это не въ смыслѣ какого-либо новаго направленія въ разработкѣ русской исторіи, какъ это мы признаемъ относительно Соловьева или Ключевскаго, а школу научно-критическаго изученія источниковъ. Онъ былъ первый строгій

учитель-методологъ. Но это не все. Въ теоріи историческаго знанія и въ частности въ процессѣ историческаго творчества, въ его анализѣ, А. С. сдѣлалъ очень много; это—область, по его терминологіи, исторіогенезиса, которою онъ много и съ особымъ интересомъ занимался. Каковы тѣ результаты, къ какимъ онъ пришелъ, въ какой мѣрѣ они оригинальны и значительны, я не рѣшаюсь теперь сказать. Одно для меня безспорно: въ ряду незабвенныхъ именъ Погодина, Соловьева, Бестужева-Рюмина, Ключевскаго имя Лаппо-Данилевскаго займетъ по праву ему принадлежащее мѣсто.

Въ наслѣдіе отъ покойнаго осталось обширное собраніе его собственныхъ рукописныхъ трудовъ. Дѣломъ и долгомъ Академіи Наукъ въ воздаяніе заслуженной памяти о почившемъ ея сочленѣ является возможно скорѣйшее приведеніе въ извѣстность этого научнаго сокровища и изданіе всего, что только возможно. Нельзя скрыть, что послѣдняя задача чрезвычайно сложна и трудна: ключъ отъ рѣшенія многихъ поставленныхъ проблемъ А. С. унесъ съ собою въ могилу. Но надо сдѣлать то, что можно. Трудность проведенія въ извѣстность всего рукописнаго матеріала осложняется тѣмъ, что рукописи разбросаны: значительная ихъ часть и, можно думать, наиболѣе цѣнная находится въ Саратовѣ. О способѣ выполненія этой работы я не замедлю войти съ особымъ докладомъ.

Но наибольшая тягость, создававшаяся для Академіи со смертью А. С., заключается въ томъ, что онъ навсегда ушелъ изъ Академіи въ такое время, когда Академія въ немъ наиболѣе нуждалась, въ его знаніяхъ, талантѣ, энергіи, въ его любви, ибо онъ дѣйствительно любилъ Академію и всѣ свои силы отдавалъ ей. Онъ оставилъ по себѣ память въ Академіи и вилель въ ся научный вѣнокъ не мало новыхъ лавровъ, но не только своими изслѣдованіями: онъ принималъ постоянное живое участіе въ ея повседневной жизни, радовался ея радостями, грустилъ о ея невзгодахъ и не одну бессонную ночь провелъ, переживая трудности создавашагося положенія и нависавшія надъ Академіей новыя и новыя тучи. Съ его смертью въ живомъ тѣлѣ Академіи образовалась пустота, заполнить которую нѣтъ возможности. При бѣдности у насъ культурныхъ силъ замѣстить А. С. не кѣмъ. Среди наличныхъ русскихъ историковъ нѣтъ равнаго ему по эрудиціи, многосторонности, энергіи и трудоспособности. Въ прошломъ засѣданіи Отдѣленія было необходимо выяснитъ, какія работы велись покойнымъ по Академическимъ изданіямъ: оказалось таковыхъ 17; онѣ временно распределены, но лишь распределены, а отнюдь не переданы въ надежныя и достойныя памяти покойнаго руки. Повторяю—замѣстить А. С. нельзя, не кѣмъ. Приложимъ, по крайней мѣрѣ, всѣ усилія къ тому, чтобы достойно увѣковѣчить память покойнаго.